

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СЕМАНТИКЕ СОБЫТИЙ*

Смирнов Михаил Алексеевич – магистрант. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Исследование посвящено проблеме формальной репрезентации логической структуры и онтологических обязательств предложений естественного языка о событиях. В работе рассматривается специфика вопроса об онтологических обязательствах языковых выражений применительно к естественным и формальным языкам. Выявляются ключевые особенности различных подходов к формальной репрезентации естественно-языковых предложений о событиях (аргументного, дэвидсоновского, неодавидсоновского, операторного) с логической и онтологической точек зрения. Показывается различие логической структуры предложений о событиях с глагольными конструкциями и с номинализацией. Намечаются возможные пути к логической интерпретации естественно-языкового механизма динамического перехода между глагольными и номинализированными конструкциями.

Ключевые слова: семантика событий, онтологические обязательства, логическая форма, онтология естественного языка

THE PROBLEM OF ONTOLOGICAL COMMITMENTS IN EVENT SEMANTICS

Mikhail Smirnov – graduate student. National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

The investigation is devoted to the problem of formal representation of logical structure and ontological commitments of natural language event sentences. The specificity of ontological commitments problem with regard to natural and formal languages is shown. The alternative approaches to the formal representation of event sentences (argument approach, davidsonian and neodavidsonian approaches, operator approach) are characterized with respect to their key features from formal logical and ontological points of view. The difference in the logical structure of sentences expressing events by verb phrases and by nominalization is depicted. The role of a paraphrase in formal representation of natural language phenomena is discussed, as well as the notions of “hermeneutic” and “revolutionary” approaches in logic-semantical analysis introduced by J. Burgess and G. Rosen. It is shown that

* Статья подготовлена в ходе исследовательского проекта № 15-05-0005 «Динамический поворот в логической семантике» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

the neodavidsonian approach with regard to verb phrases is an example of “revolutionary” approach because it changes the original logical structure of natural language sentences. The analysis of ontological commitments shows that there is no bound event variable in the logical structure of verb phrases at sentence level but it’s included in the internal semantic structure of a verb. The possible ways to the logical interpretation of the natural language mechanism of the dynamic shift between verb-based and nominalized sentences are outlined.

Keywords: event semantics, ontological commitments, logical form, ontology of natural language

Переводы так, как написано.
Из кинофильма «Семь лет в Тибете»

Введение

Семантика событий представляет собой направление исследований на стыке логики и лингвистики, изучающее возможности выражения в естественных и формальных языках событий¹ как особого феномена действительности. Центральная идея современной семантики событий состоит в том, что в формальной интерпретации предложений естественного языка о событиях необходимо использовать связанную переменную, представляющую событие в качестве логического индивида².

Эта идея восходит к Хансу Райхенбаху [Reichenbach, 1947] и Дональду Дэвидсону [Davidson, 1967], которые показали возможность использования событийной переменной для логической интерпретации семантики глаголов. Этот подход был модифицирован Теренсом Парсонсом и экстраполирован также на предложения о состояниях [Parsons, 1994] («неодэвидсоновский подход»).

К настоящему времени различным аспектам семантики событий посвящен большой объем исследований в рамках аналитической философии языка, формальной семантики и лингвистики. Семантика событий активно обсуждается в современной отечественной философской и лингвистической литературе. В частности, С.Г. Татевосовым представлен обзор интерпретаций различных явлений естественного языка с помощью событийной переменной и показана эффективность подобных подходов с лингвистической точки зрения [Татевосов, 2013].

¹ Под событиями, согласно определению Д. Дэвидсона, следует понимать любые изменения положения вещей, например: *человек совершил действие, антилопа родилась, звезда взорвалась* [Davidson, 2002a, p. 181].

² Далее мы будем называть эту переменную *событийной переменной*, следуя терминологии, принятой в современной англоязычной литературе по семантике событий (англ. *event variable*; см., например [Champollion, 2015]).

П.С. Куслием рассматривается вопрос о соотношении семантики событий и онтологии естественного языка с точки зрения критерия Куайна [Куслий, 2015; Куслий, 2016].

Последняя проблема представляется особенно важной и требующей акцентированного внимания, так как зачастую упускается из вида.

Необходимо учитывать, что для развития различных подходов в семантике событий и оценки их релевантности имеют значение два фактора.

1. **Формально-логический фактор** – успешность, с которой тот или иной подход решает формально-логические проблемы, возникающие при логико-семантическом анализе предложений естественного языка о событиях. К таким проблемам относятся, например: 1) проблема логического следования; 2) проблема соблюдения принципа композициональности (возникающая в рамках теоретических систем, декларирующих этот принцип), а также некоторые другие.

2. **Онтологический фактор** – соответствие онтологических обязательств выражений, построенных на основе того или иного подхода с использованием формального языка логики, онтологическим обязательствам выражений естественного языка.

Так, в первоначальной мотивировке дэвидсоновского подхода в [Davidson, 1967] участвуют оба этих фактора. В качестве формально-логического фактора выступает необходимость решить проблему логического следования в предложениях о событиях (проблему «вариативной местности»). В качестве онтологического – необходимость объяснить употребление по отношению к событию, названному с помощью глагола, местоимения *это*, которым (по крайней мере, по интуиции Дэвидсона) могут обозначаться только логические индивиды.

Очевидно, что приоритетным для семантики должен являться онтологический критерий, ведь именно он определяет собственно семантические отношения – отношения между языковыми выражениями и представляемыми ими сущностями. Формально-логический критерий же вступает в силу при условии выполнения онтологических обязательств.

Естественный язык представляет собой весьма сложную систему с высокоэффективными семантическими и логическими механизмами, которые в значительной степени пока остаются неизученными. Для того чтобы их дальнейшее изучение стало возможным, не следует загонять его в «прокрустово ложе» простых формально-логических решений.

Применительно к семантике событий это, как будет показано ниже, означает в первую очередь разграничение логико-семантической структуры предложений с глагольными конструкциями и с номинализацией (отглагольными существительными). В рамках неодэвидсоновского подхода в его первоначальном виде логическая структура

этих двух типов предложений интерпретируется тождественно. Это делает возможной упрощенную формально-логическую репрезентацию ряда явлений естественного языка, в частности – предложений о перцепциях и естественно-языковых силлогизмов с переходом между глагольными и номинализированными конструкциями. Однако такая интерпретация не соответствует логической структуре и онтологическим обязательствам самих выражений естественного языка, что можно продемонстрировать с помощью критерия Куайна.

Более адекватным способом формальной репрезентации глагольных конструкций является включение связанной событийной переменной во внутреннюю семантическую структуру глагола (что согласуется с актуальными предложениями, имеющими формально-логическую мотивацию, см. [Champollion, 2015; Куслий, 2015]).

В § 1 мы рассмотрим понятие онтологических обязательств и критерий Куайна, в § 2 – основные подходы в семантике событий, в § 3 – онтологические обязательства предложений естественного языка о событиях и проблему их формальной репрезентации.

§ 1. Понятие онтологических обязательств и критерий Куайна

Понятие онтологических обязательств, если говорить по существу, фиксирует следующий очевидный факт: когда один агент коммуникации сообщает что-то другому агенту коммуникации в качестве истинного утверждения, реципиент некоторым образом понимает, о существовании каких сущностей утверждается и что им приписывается в этом сообщении. Он понимает это, анализируя структуру и состав сообщения исходя из определенного представления (в случае родного естественного языка, воспринятого им в глубоком детстве в процессе освоения речи) о соотношении этих формальных свойств языковых выражений с обозначаемой ими действительностью.

Какой же критерий позволяет нам определить онтологические обязательства тех или иных выражений языка? На первый взгляд кажется, что он интуитивно ясен: мы говорим о чем-то как о самом по себе существующем, *субстанции*, если обозначаем его именем существительным (например, *собака*). Эта интуиция отражена в традиционной лингвистической терминологии, а именно – в самом названии этой части речи (*имя существительное*, лат. *nomen substantivum*).

Однако более тщательное изучение использования имен существительных в естественном языке показывает, что существительные не всегда обозначают самостоятельно существующие сущности как таковые или даже не делают этого сами по себе никогда. Это констатировал уже Аристотель, который разделил сущности на

первичные и вторичные, понимая под первыми индивидов (партикулярии), а под вторыми – роды и виды (универсалии), которые и составляют значение, предцизируемое общими существительными [Аристотель, 1978, с. 55]:

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь.

Пожалуй, следующий шаг в этом направлении сделал Бертран Рассел в своей теории дескрипций. Согласно ей, предложение *Собака бежит* имеет следующую логическую структуру [Russell, 1905]:

(1) $\exists x [\text{собака}(x) \wedge \text{бежит}(x)]$

Иначе говоря, когда мы утверждаем, что *собака бежит*, мы не извлекаем откуда-то метафизическую *собаку* и приписываем ей свойство *бежит*, а говорим о некотором объекте, которому мы приписываем как свойство *бежит*, так и свойство быть *собакой*. Такое объяснение устраняет мнимые парадоксы, возникающие при употреблении в предложениях естественного языка имен несуществующих сущностей (например, *современный король Франции*).

Магистральный на сегодняшний день подход к определению онтологических обязательств принадлежит Уилларду Куайну. Согласно критерию Куайна, опирающемуся на теорию дескрипций Рассела, онтологические обязательства влечет за собой не применение имен само по себе, а квантификация:

Предложение *Некоторые собаки белы* говорит, что некоторые сущности, которые являются собаками, являются белыми. <...> Мы обращаем внимание на связанные переменные... для того, чтобы узнать, о чем определенное высказывание или учение, наше или чье-то еще, *говорит*, что оно существует [Quine, 1948, p. 32, 35].

Очевидно, проблема онтологических обязательств имеет несколько разное содержание применительно к формальным и к естественным языкам. Применительно к формальным языкам критерий Куайна фактически носит нормативный характер: он предлагается нам, чтобы мы определенным образом выстраивали свои высказывания в соответствии со своей онтологией. Применительно же к естественным языкам он носит характер гипотезы о неписаной нормативности, обеспечивающей понимание между агентами естественно-языковой коммуникации.

Ниже мы будем использовать критерий Куайна в качестве рабочего критерия³ определения онтологических обязательств естественного языка.

³ Существуют также другие версии критериев онтологических обязательств, такие как критерий от логического следования и критерий «факторов истинности» (англ. truthmakers).

§ 2. Основные подходы в семантике событий и их формально-логическая мотивация

До того как Райхенбахом и Дэвидсоном был введен подход с использованием событийной переменной, предложения естественного языка о событиях с глагольными-адвербиальными⁴ конструкциями было принято переводить на язык логики предикатов так же, как и любые предложения о свойствах и отношениях, т. е. следующим образом:

$$(2) P_n(a_1 \dots a_n),$$

где P – предикат местности n , выражающий основную семантику события, представленную глаголом, а $a_1 \dots a_n$ – его аргументы, которыми могут быть логические индивиды, выступающие как актаны и сирконстанты⁵ предложения (в силу чего этот подход именуется **аргументным**).

В начале 1960-х гг. на волне аналитической философии действия, недавно получившей мощный толчок к развитию от Элизабет Энскомб, появилась книга британского философа Энтони Кенни «Действие, эмоция и воля» [Kennedy, 1963]. Кенни поставил перед собой задачу доказать, что в действительности между предложениями о действиях и предложениями о свойствах и отношениях имеет место существенное различие. В качестве главного аргумента он указал на то, что в предложениях о действиях наблюдается явление *вариативной местности* (*variable poliadicity*). Одно и то же действие можно описать разными способами, варьируя число упоминаемых обстоятельств:

Брут убил Цезаря,

Брут убил Цезаря ножом,

Брут убил Цезаря ножом в театре Помпея...

При этом с точки зрения здравого смысла из естественно-языкового предложения с большим числом обстоятельств следует предложение о том же действии с меньшим числом обстоятельств. Однако

⁴ Под *адвербиалами* подразумеваются члены предложения с различной частеречной принадлежностью и структурой, значение которых как целого аналогично значению наречия (лат. *adverbium*), т. е. некоторым образом *модифицирует* семантику глагола или всего предложения. В качестве *адвербиалов* могут выступать наречия, частицы, предложные группы и целые придаточные предложения (*адвербиальные клаузы*).

⁵ Представление об актантах и сирконстантах как соответственно об обязательных (*агенси – действующий, пациенс – претерпевающий*) и факультативных членах глагольных конструкций было предложено Люсьеном Теньером в середине XX века [Теньер, 1988] и в настоящее время является общепринятым, хотя и требует определенных уточнений (см.: [Храковский, 1998]).

формализация (1) не позволяет рассматривать это следование как логическое (т. е. обеспечиваемое логической формой), ведь при ее использовании в этих предложениях присутствуют разные предикаты.

Как уже было сказано, именно эта идея стала для Дэвидсона основным формально-логическим мотивом к разработке его подхода. Данный аргумент от проблемы логического следования является хрестоматийным и присутствует, пожалуй, во всех источниках, излагающих основы семантики событий [см., например: [Lasersohn, 2006, p. 316–317; Maienborn, 2011, p. 805–806; Татевосов, 2013, с. 9–10]. Отметим, однако, что вопрос о подобном логическом следовании в действительности отнюдь не однозначен. Так, по словам Ричарда Монтегю,

из «Джонс убил Смита во сне» не следует логически «Джонс убил Смита»; а значит, не следует этого и из «Джонс убил Смита ножом», хотя предложение «с необходимостью, если Джонс убил Смита ножом, то Джонс убил Смита» вполне может быть истинным (однако не логически истинным) [Montague, 1974a, p. 213].

Беспорная проблема аргументного подхода с формальной точки зрения состоит в другом, а именно – в его *неэффективности* для представления логической структуры сложных глагольно-адвербиальных конструкций. По словам Р. Томасона и Р. Сталнакера, при использовании такого подхода сложная структура отношений между элементами ситуации, выступающими в качестве аргументов предиката, оказывается «стертой» [Thomason, Stalnaker, 1973, p. 196].

Подход с использованием событийной переменной, по всей видимости, впервые применил Ханс Райхенбах [Reichenbach, 1947]. Введение событийной переменной в его концепции осуществляется в контексте других интересных идей.

Так, Райхенбах делает акцент на возможности говорить об одной и той же ситуации по-разному: описывая ситуацию с помощью пропозиции, мы определенным образом разделяем ее на объект-аргумент и объект-предикат. Существует два способа разделять ситуацию: *выделение вещей* (*thing-splitting*) и *выделение событий* (*event-splitting*), в результате которых мы можем получить логические индивиды *вещного типа* (*thing type*) и *событийного типа* (*event type*). В силу этого для предложений о событиях можно предложить две логические интерпретации: 1) стандартный аргументный подход и 2) подход с представлением события как логического индивида с помощью переменной, связанной квантором существования.

Вклад Дэвидсона состоит в том, что он дополнил подход Райхенбаха решением проблемы «вариативной местности» предикатов, предложив схему экспликации внутренней структуры события с помощью конъюнкции. В **дэвидсоновском подходе** событийная пере-

менная и актанты предстают как аргументы предиката с основной семантикой, а сирконстанты выражаются с помощью других предикатов над событийной переменной и соответствующими логическими индивидами, вводимых путем конъюнкции в дополнительных клаузах [Davidson, 1967]:

(3) *Брут убил Цезаря с помощью ножа в театре Помпея:*

Эе [*убил (Брут, Цезарь, е) ∧ с помощью (е, нож) ∧ в (е, театр Помпея)*]

Важно отметить, что Дэвидсон в своей первой и наиболее известной статье по семантике событий [Davidson, 1967] не различал логическую структуру предложений с глагольно-адвербиальными конструкциями и предложений с номинализацией. Однако затем он пришел к выводу, что в естественном языке подход с событийной переменной соответствует только предложениям с номинализацией [Davidson, 2002b, ch. XVII–XVIII]:

Когда я писал Эссе 1, мне еще не случилось понять, что такое предложение, как *Ева съела яблоко*, не содержит сингулярной референции к событию; оно отличается по своей логической форме от *Поедание Евой яблока произошло*, хотя из последнего следует первое.

В конце 1980-х Теренс Парсонс предложил подход, отличающийся от дэвидсоновского рядом особенностей, который принято именовать **неодэвидсоновским** [Parsons, 1994]. Выделим несколько особенностей подхода Парсонса.

1. Аргументом основного предиката является только событийная переменная. Актанты предложения так же, как и сирконстанты, представляются в отдельных клаузах, предикаты которых выражают их *тематические роли* – агенс, пациенс и т. д.:

(4) *Брут убил Цезаря:*

Эе [*убийство(е) ∧ агенс(е, Брут) ∧ пациенс(е, Цезарь)*]

2. Парсонс констатировал, что подобный подход можно использовать не только для *предложений о событиях*, но и для *предложений о состояниях*. Отметим, что этот факт является вполне очевидным, однако при оценке релевантности данного подхода его можно рассматривать двояко. С одной стороны, он показывает его широкую применимость. С другой стороны, эта применимость настолько широка, что полностью устраняет какую-либо специфичность. Ведь в качестве *предложений о состояниях* можно рассматривать любые предложения, в том числе и абстрактные (например, предложение о состоянии делимости без остатка четных чисел на два).

Кроме того, аналогичный подход вполне применим и к предложениям о *свойствах* (которые, впрочем, нам ничто не мешает также рассматривать как *состояния*). Приведем следующий пример:

(5) *Снежок бел от своего хвоста до своих вибриссы:*

$\exists e$ [*бел*(e) \wedge субъект(*Снежок*, e) \wedge от(*хвост Снежка*, e) \wedge до(*вibrиссы Снежка*, e)]

3. В отличие от Дэвидсона, Парсонс продолжает отождествлять логическую структуру глагольно-адвербиальных конструкций и конструкций с номинализацией. Это обеспечивает простую формальную репрезентацию ряда естественно-языковых явлений, в частности – естественно-языковых силлогизмов с переходом между глагольными и номинализованными конструкциями:

(6) A. *In every burning, oxygen is consumed.*

B. *Agatha burned the wood.*

C. *Oxygen was consumed.*

A'. $\forall e$ [*Burning*(e) \rightarrow $\exists e'$ [*Consuming*(e') \wedge Obj(e' , *oxygen*) \wedge In(e' , e)]]

B'. $\exists e$ [*Burning*(e) \wedge Subj(e , *Agatha*) \wedge Obj(e , *wood*)]

C'. $\exists e'$ [*Consuming*(e') \wedge Obj(e' , *oxygen*)]

Подходы с использованием событийной переменной не являются единственной возможностью эксплицировать структуру сложных предложений о событиях. Формальная семантика в том ее варианте, как она представлена в работах Р. Монтегю, Д. Даути, Р. Томасона, Р. Сталнакера и других авторов, решает эту задачу по-иному – с помощью **операторного подхода**.

Монтегю был знаком с подходом Дэвидсона (см.: [Montague, 1974a, p. 178]), однако не использовал его. Вероятно, этому есть несколько причин, к которым относится и вышеописанный скепсис Монтегю по поводу логического следования в дэвидсоновских примерах. Кроме того, он придерживался иной онтологии, считая события не партикуляриями, как Дэвидсон, а свойствами моментов и интервалов времени [ibid., p. 150]. В синтактико-семантической теории Монтегю глаголы трактуются как выражения типа $\langle e, t \rangle$ (непереходные) и $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$ (переходные), а адвербиалы – как выражения типа $\langle \langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle \rangle$ (модификаторы семантики глагола) и $\langle t, t \rangle$ (модификаторы семантики предложения) [Montague, 1974b, p. 249–250]. Адвербиалы могут образовываться из выражений других типов (например, составляющих предложную группу, наречную группу или адвербиальную клаузу) с помощью синтактико-семантических принципов «грамматики Монтегю».

§ 3. Онтологические обязательства предложений естественного языка о событиях и их формальная репрезентация

В этом параграфе мы проанализируем с точки зрения критерия Куайна предложения естественного языка о событиях. Этот простой анализ покажет, – в полном соответствии со зрелой позицией Дэвидсона, представленной выше, – что выделение события как сущности, являющейся *объектом говорения*, происходит только в предложениях о событиях с номинализацией, но не в глагольно-адвербиальных конструкциях.

Простому предложению с непереходным глаголом *Собака пробежала*, согласно теории дескрипций, соответствует следующий анализ:

(7) $\exists x [\text{собака}(x) \wedge \text{пробежала}(x)]$

Данный пример не позволяет понять, к семантике существительного-подлежащего или глагола-сказуемого относится связанная переменная. Однако это является лишь случайным свойством подобных простых конструкций с непереходными глаголами. Анализ предложения с переходным глаголом (*Собака съела мороженое*) проясняет ситуацию:

(8) $\exists x \exists y [\text{собака}(x) \wedge \text{мороженое}(y) \wedge \text{съела}(x, y)]$

Этот пример показывает, что в логической структуре предложения о событии с двумя существительными и одним глаголом присутствуют две связанные переменные. Таким образом, онтологические обязательства – постулирование существования объектов – возникают в отношении семантики существительных, но не семантики глагола⁶. Анализ более сложных глагольно-адвербиальных конструкций также покажет, что связанные переменные в логической структуре подобных предложений порождаются существительными, но не глаголами. (Разумеется, при этом число существительных может превышать число связанных переменных, т. к. различные существительные могут выступать в роли предикатов одной переменной, а также модификаторов значения других существительных; кроме того, связанная переменная может порождаться другими путями, например – с помощью местоимения. Именно так обстоят дела в характеристике Скалозуба из «Горя от ума»: *А тот – хрипун, давленник, фагот, созвездие маневров и мазурки!*)

Для предложений с именами собственными, которые обычно рассматриваются в логике как индивидуальные константы, а не переменные с предцидуемой дескрипцией, критерий Куайна так-

⁶ Сказанное здесь и ниже относится к глаголам в личной форме в рассматриваемой синтаксической роли.

же вполне применим. При их анализе можно использовать одну из следующих возможностей: 1) либо, вслед за Куайном, считать, что употребление собственного имени само по себе влечет онтологическое обязательство (постулирует существование объекта); 2) либо, вслед за Монтегю, считать, что семантика собственных имен в действительности также представляет собой предикацию дескрипции.

Однако разве неодэвидсоновский подход не показывает, что в семантике глагольных конструкций присутствует дополнительная (событийная) связанная переменная, тогда как в анализе в примерах (7) и (8) она отсутствует просто в силу того, что в нем мы следуем аргументному подходу? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть роль *парафразы* в семантике, что мы сделаем вслед за Ахилле Варци [Varzi, 2002], а также понятия *герменевтической* и *революционной* стратегий логико-семантического анализа, предложенные Джоном Бёрджесом и Гидеоном Розеном [Burgess, Rosen, 1997].

Как показывает Варци, *парафраз* зачастую используется для устранения онтологических обязательств, неудобных тому или иному философу. Классические примеры этого подхода:

(9) (а) *Существует разница в возрасте между Джоном и Томом*
перепразируется в

*Неверно, что Джон настолько же стар, как Том*⁷

с целью устранить постулирование сущности *разница в возрасте*
(Мортон Уайт)

(б) *В этом кусочке сыра есть дырки*

перепразируется в

Этот кусочек сыра дыряв

с целью устранить постулирование сущности *дырка в сыре*
(Дэвид и Стефани Льюис)

В этих парафразах устраняется сущность, постулируемая онтологическими обязательствами исходного предложения естественного языка. В неодэвидсоновском подходе к глагольным конструкциям, напротив, постулируется дополнительная сущность (вводится переменная, обозначающая событие или состояние как особую сущность). Объединение этих двух подходов дает следующий результат:

(10) *Существует состояние дырявости, в котором находится этот кусочек сыра*

⁷ Буквальный перевод англоязычной конструкции *as old as*; в более приемлемо звучащих небуквальных переводах этой фразы на русский язык фигурировали бы существительные.

По словам Варци, возможно, такой анализ кто-то также может рассматривать как соответствующий его взглядам. Однако обращение с логической формой естественно-языковых предложений при этом является полностью волюнтаристским. Как заключает Варци,

Давайте эксплицитно теоретизировать о том, что есть, вместо того чтобы приписывать наши взгляды языку, на котором мы говорим, и, следовательно, другим людям, которые также говорят на нем [Varzi, 2002].

Как указывают Бёрджес и Розен, существуют две стратегии логико-философского анализа предложений естественного языка [Burgess, Rosen, 1997]:

1. *Герменевтическая стратегия* направлена на выявление глубокой структуры предложения без изменения его онтологических обязательств.

2. *Революционная стратегия* направлена на изменение онтологических обязательств предложения.

Очевидно, неодэвидсоновский подход применительно к глагольным конструкциям является образцом «революционного» подхода, изменяющего онтологические обязательства и логическую структуру предложений естественного языка.

Отметим, что это не значит, что в логической структуре глагольных конструкций вообще отсутствует событийная переменная; это означает, что ее нет в структуре уровня предложения, демонстрируемой с помощью теории дескрипций; однако она может присутствовать во внутренней структуре семантики глагола.

Теперь рассмотрим предложение с номинализацией. Критерий Куайна показывает, что логическая роль отглагольных существительных аналогична роли других существительных:

(11) *Бег был быстр*:

$\exists x [\text{бег}(x) \wedge \text{быстрый}(x)]$

Таким образом, анализ онтологических обязательств предложений естественного языка о событиях с помощью критерия Куайна выявляет следующее:

1) глагольные конструкции представляют событие как свойство агенса или отношение между актантами (и, при их наличии, сирконстантами).

2) конструкции с номинализацией представляют событие как логический индивид.

Однако как быть с удобством, которое достигается с помощью неодэвидсоновского подхода при формальной репрезентации естественно-языковых явлений, например – приведенного выше естественно-языкового силлогизма о событиях (6)? Несомненно, в этом примере предложения формального языка A' , B' , C' адекватно

представляют структуру причинно-следственных связей в ситуации, описанной предложениями естественного языка А, В, С. Однако они не представляют логическую структуру предложений А, В, С. В действительности они являются переводом на формальный язык предложений естественного языка с номинализацией, а не с глагольными конструкциями: *In every burning, oxygen consummation occurs. Agatha brought about the burning of the wood. The oxygen consummation occurred.*

Это означает, что при таком подходе само нетривиальное с формально-логической точки зрения явление естественного языка, состоящее в динамической смене глагольных и номинализированных конструкций, ускользает от внимания, а репрезентируется его тривиализированный парафраз.

Заключение

Можно констатировать, что отказ от применения неодавидсоновского подхода к естественно-языковому силлогизму из примера (6) существенно затрудняет его перевод на язык логики предикатов с сохранением логического следования. Выход из этих затруднений можно искать на разных путях:

1. Считать этот естественно-языковой силлогизм формально-логически невалидным.
2. Предположить, что естественный язык не подчиняется законам логики, как это делал Рассел в свои пессимистические периоды⁸.
3. Предположить, напротив, что естественный язык позволяет решать некоторые задачи более экономично, чем имеющиеся на сегодняшний день подходы с использованием формального языка.

Нам представляется предпочтительным третье предположение. Попробуем назвать некоторые направления, в которых следует двигаться для раскрытия механизмов естественного языка, обеспечивающих экономичное «переключение» между предложениями с глагольными конструкциями и с номинализацией:

1. Учитывать роль в естественном языке presuppositions и когнитивных механизмов удержания референции.
2. Искать событийную переменную в предложениях с глагольными конструкциями не на уровне семантики предложения, но на уровне семантики внутренней структуры форм глагола. Такой подход представлен, в частности, в недавних предложениях Л. Шампольона: «Мы отказываемся от идеи о том, что событийная переменная связана на уровне предложения, и вместо этого предполагаем, что экзи-

⁸ «Я согласен... с заявлением господина Стросона... что в естественном языке отсутствует точная логика» [Russell, 1957, p. 389].

стенциальная квантификация над событиями выражается глаголами» [Champollion, 2015]. Также о месте событий в структуре семантики глагола см. в [Куслий, 2015].

3. Исследовать механизм номинализации в естественном языке и стоящую за ним естественно-языковую онтологию. Этот механизм работает весьма эффективно, позволяя гипостазировать практически все что угодно (*бег, краснота, чтойность*). Кроме того, обо всем что угодно мы можем сказать *это*.

Очевидно, онтология естественного языка как когнитивной системы – это онтология феноменалистическая, онтология не раз и навсегда жестко постулированных физикалистских объектов, а динамически выделяемых объектов мышления и говорения. Является ли такая онтология антифизикалистской? Мы можем считать, вслед за Фреге, что референтом любых истинных предложений является физическая реальность, однако она может быть представлена различными интенциональными способами. *Субстанцией* же, тем, что *само по себе существует*, является то, что мы мыслим в качестве такового. Мы можем рассказывать историю дерева, которое выросло, стало частью корабля Тесея, а затем было заменено и снова оказалось на берегу. Мы можем рассказывать и историю корабля Тесея, в котором сменились все части, но корабль остался тем же.

Список литературы

- Аристотель, 1978 – *Аристотель*. Категории // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.
- Куслий, 2015 – *Куслий П.С.* События и временные интервалы в онтологии естественного языка // *Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 39–44.
- Куслий, 2016 – *Куслий П.С.* Кванторы и онтология естественного языка // *Филос. журн.* 2016. Т. 9. № 1. С. 25–41.
- Татевосов, 2013 – *Татевосов С.Г.* Семантика события как эмпирическая проблема // *Философия языка и формальная семантика / Отв. ред. П.С. Куслий*. М.: Альфа-М, 2013. С. 9–42.
- Теньер, 1988 – *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Храковский, 1998 – *Храковский В.С.* Понятие сирконстанта и его статус // *Семиотика и информатика*. 1998. Вып. 36. С. 141–153.
- Burgess, Rosen, 1997 – *Burgess J., Rosen G.* A Subject with No Object. Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics. Oxford: Clarendon Press, 1997. X + 259 p.
- Champollion, 2015 – *Champollion L.* The Interaction of Compositional Semantics and Event Semantics // *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. No. 1. P. 31–66.

Davidson, 1967 – *Davidson D.* The Logical Form of Action Sentences // The Logic of Decision and Action / Ed. by N. Resher. Pittsburg: Pittsburg University Press, 1967. P. 81–95.

Davidson, 2002 a – *Davidson D.* Events as Particulars // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 181–188.

Davidson, 2002 b – *Davidson D.* Introduction // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 15–21.

Kenny, 1963 – *Kenny A.* Action, Emotion and Will. L.: Clarendon Press, 1963. 250 p.

Lasersohn, 2006 – *Lasersohn P.* Event-Based Semantics // Encyclopedia of Language & Linguistics. 2nd ed. Vol. 4. / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 316–320.

Maienborn, 2011 – *Maienborn C.* Event Semantics // Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 1. B.; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 802–829.

Montague, 1974 a – *Montague R.* On the Nature of Certain Philosophical Entities // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 188–221.

Montague, 1974 b – *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. by R.H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 247–270.

Parsons, 1994 – *Parsons T.* Events in the Semantics of English. A Study in Subatomic Semantics. Cambridge (MA): MIT Press, 1994. 334 p.

Reichenbach, 1947 – *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y.: Macmillan, 1947. XIII + 444 p.

Russell, 1905 – *Russell B.* On Denoting // Mind. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

Russell, 1957 – *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // Mind. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.

Thomason, Stalnaker, 1973 – *Thomason R., Stalnaker R.* A Semantic Theory of Adverbs // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 3. No. 2. P. 195–220.

Quine, 1948 – *Quine W.V.O.* On What There Is // The Review of Metaphysics. 1948. Vol. 2. No. 5. P. 21–38.

Varzi, 2002 – *Varzi A.* Words and Objects // Individuals, Essence, and Identity. Themes of Analytic Metaphysics. Dordrecht, Boston, L.: Kluwer, 2002. P. 49–75.

References

Aristotle. Kategorii. [Categories] In: *Aristotle. Sochineniya.* [Aristotle. Works], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1978, pp. 51–90. (In Russian)

Burgess J., Rosen G. *A Subject with No Object. Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics.* Oxford: Clarendon Press, 1997. X + 259 p.

Champollion L. The Interaction of Compositional Semantics and Event Semantics. *Linguistics and Philosophy*, 2015, vol. 38, no. 1, pp. 31–66.

Davidson D. Events as Particulars. In: D. Davidson. *Essays on Actions and Events.* 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 181–188.

Davidson D. Introduction. In: D. Davidson. *Essays on Actions and Events*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 15-21.

Davidson D. The Logical Form of Action Sentences. In: N. Resher (ed.) *The Logic of Decision and Action*. Pittsburg: Pittsburg University Press, 1967, pp. 81–95.

Kenny A. *Action, Emotion and Will*. London: Clarendon Press, 1963. 250 p.

Khrakovskiy V. S. Ponyatie sironstanta i ego status [The Notion of a Cironstant and Its Status]. *Semiotika i informatika*, 1998, no. 36, pp. 141–153. (In Russian)

Kusliy P. S. Kvantory i ontologiya estestvennogo yazyka [Quantifiers and the Ontology of Natural Language]. *Filosofskiy zhurnal*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 25–41. (In Russian)

Kusliy P. S. Sobytiya i vremennye intervaly v ontologii estestvennogo yazyka [Events and Times in the Ontology of Natural Language]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 39–44. (In Russian)

Laserson P. Event-Based Semantics. In: K. Brown (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006, vol. 4, pp. 316–320.

Maienborn C. Event Semantics. In: *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*, vol. 1. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 802–829.

Montague R. On the Nature of Certain Philosophical Entities. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp. 188–221.

Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp. 247–270.

Parsons T. *Events in the Semantics of English. A Study in Subatomic Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 334 p.

Quine W. On What There Is. *The Review of Metaphysics*, 1948, vol. 2, no. 5, pp. 21–38.

Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York: Macmillan, 1947. XIII + 444 p.

Russell B. Mr. Strawson on Referring. In: *Mind*, 1957, vol. 66, no. 263, pp. 385–389.

Russell B. On Denoting. In: *Mind*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493.

Tatevosov S. G. Semantics of Events as an Empirical Problem. (Semantika sobytiya kak empiricheskaya problema.) In: P.S. Kusliy (ed.). *Filosofiya yazyka i formal'naya semantika* [Philosophy of language and formal semantics]. Moscow: Alfa-M Publ., 2013, pp. 9–42. (In Russian)

Tesnière L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. [Éléments de syntaxe structurale.] Moscow: Progress Publ., 1988. 656 p. (In Russian)

Thomason R., Stalnaker R. A Semantic Theory of Adverbs. *Linguistic Inquiry*, 1973, vol. 3, no. 2, pp. 195–220.

Varzi A. Words and Objects. *Individuals, Essence, and Identity. Themes of Analytic Metaphysics*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer, 2002, pp. 49–75.